

элементом древнерусского народного сознания, смело и порой неосмотрительно вводит ее даже в такие свои произведения, как, например, анакреонтические песни. Примером подобного неразборчивого отношения Державина к поэтическим средствам может служить его „Пролог на рождение на Севере порфирородного отрока“ (1799). Уже один перечень действующих лиц этой „оперы“, объединяющей персонажи как древнерусской, так и псевдославянской и скандинавской мифологии (Зимцерла, Лель, Валка, Дажбог, Ветряны, Земляны, бог Один и северные боги, пирующие в Валкале, кикиморы, русалки и т. д.), красноречиво свидетельствует о том, каким сложным и трудным путем шел Державин в своих попытках художественного воссоздания русского исторического прошлого.

Истинную причину подобного смешения у Державина русской и северной мифологии мы правильно оценим, если учтем условия времени, если вспомним, что и крупнейший для той поры знаток русских древностей Евгений Болховитинов также замечал в былинах Кирши Данилова „порывы северной скандинавской лирической поэзии“¹ и что, скажем, А. Н. Радищев в своих „Песнях, петых на состязаниях в честь древним славянским божествам“ (1801) также весьма некритически пользовался арсеналом псевдославянской мифологии. Отмеченная выше неосмотрительность или „неразборчивость“ Державина была свойственна большинству его современников. Лишь немногие из них, как, например, Н. А. Львов, который, кстати сказать, и в глазах Державина олицетворял собой „дух поэзии русской, древней“,² указывали на полную неуместность „норвежского богословия“ в произведениях Державина на русские темы.³

Условиями времени и связанной с ними ограниченностью исторических и филологических познаний Державина следует объяснить как некритическое отношение его к псевдославянской и скандинавской мифологии, так, в частности, и к фальсификации А. И. Селакадзева, так называемому „Гимну Боянову“. Как известно, написанное в стиле баллады стихотворение „Новгородский волхв Злогор“ (1813) было создано Державиным под сильным воздействием „открытых“ Селакадзевым подложных „нескольких произречений пятого столетия новгородских жрецов“.⁴

В своем восторженном отношении к „Гимну Боянову“ Державин стал жертвой излишней доверчивости и собственной палеографической и филологической неосведомленности, хотя более опытные и проницательные в этом отношении современники Державина, А. Н. Оленин, например, и заверяли его уже тогда в подложности рукописей Селакадзева.⁵

Можно было бы указать и на ряд других заблуждений и ошибок, допущенных Державиным в понимании и определении древнерусской истории и поэзии, в частности, на ошибочные положения в его „Рассуждении о лирической поэзии“. К последним прежде всего следовало бы отнести утверждение о том, что происхождение торжествен-

¹ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Изд. Акад. Наук, СПб., т. VII, 1872, стр. 617.

² Там же, т. II, 1865, стр. 461 (стихотворение „Память другу“, посвященное Н. А. Львову).

³ Там же, стр. 276.

⁴ См.: Сочинения Державина... т. III, 1866, стр. 181—186, а также: А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. Памятники древней письменности, ОЛДП, СПб., 1898, вып. 127, стр. 1—22.

⁵ Сочинения Державина... т. VIII, 1880, стр. 903—904.